

ВО ЧТО Я ВЕРЮ

У ДОНА МАРИО велепительная улыбка киноактера, стройно изогнутый стан горера и звучный голос оратора, привыкшего к вниманию большой аудитории, успеху. И надо сказать, что никого из столь популярной сегодней в мире когорты крупных латиноамериканских прозаиков успех и слава не посетили так рано, как перуанца Марио Варгаса Льюсы. Свою первую пьесу он опубликовал в шестнадцать лет. Затем вышел сборник его рассказов, отмеченный крупной литературной премией. А первым романом «Город и псы», написанным в двадцать шесть, писатель завоевал мировую известность и получил престижную испанскую премию «Библиотека Брейя». «Этот юный перуанец пишет с жестким взглядом, стиснув зубы, как от рвущей внутренности боли» — так охарактеризовал творчество молодого Варгаса Льюсы один из видных латиноамериканских критиков.

С тех пор Марио Варгасом Льюсой написано еще четыре крупных романа (последний — «Война конца света» — издан совсем недавно). Книги его не раз награждались различными литературными премиями, а сам он избирался президентом Международного ПЕН-клуба.

В любом уважающем себя перуанском книжном магазине — будь то в бурлящей столичной жизни Лиме или в крошечном, забравшемся на почти четырехкилометровую высоту Кордильер городке Пуно у озера Титикака — на самом видном месте аккуратно выстроены ряд книг знаменитого соотечественника.

Наша беседа с Марио Варгасом Льюсой, состоявшаяся в его особняке в Лиме, что, как маленькая крепость, возвышается над синевой Тихого океана, без конца прерывалась телефонными звонками из-за рубежа. Только что вышла в свет его новая пьеса «Кати и гиппопотам» — вечером на приеме в Национальном институте культуры Варгас Льюса готовился официально представить ее лимской обществу писателей. А из Венесуэлы уже настойчиво звонили, приглашая его вместе с семьей срочно вылететь на премьеру этой пьесы в Каракас. Звонил из Нью-Йорка призывал писателя в арбитры: между тамошними переводчиками возникла ссора из-за права на перевод его новой пьесы...

А знаменитый писатель еще совсем молод (не так давно перешагнул за 46), полон творческих поисков и планов. И каждая его книга, всегда разительно несхожая с предыдущими, открывает читателю что-то новое в общечеловеческих проблемах и надеждах, в извечности и переменчивости окружающего мира. Да и в самом Доне Марио, как называют его в Лиме, во вкусах его, взглядах, позициях по ряду вопросов немало переменчивого, о чем свидетельствуют выступления писателя, лекции о литературе, интервью. Кое-что в его высказываниях нам кажется спорным, не всегда и не со всем хочется согласиться...

Но предоставим слово самому Марио Варгасу Льюсе.

«Смысл литературы — теребить, будоражить, привлекать внимание к определенным проблемам».

— Как-то вы спросили одного из собравших по перу — это был Габриэль Гарсиа Маркес, — для чего нужны писатели. Позвольте теперь переадресовать этот вопрос вам.

— Я и сам задавал себе такой вопрос много раз. Думаю, рано или поздно его задает себе каждый писатель. В самом деле, для чего мы нужны? Просто-напросто для того, чтобы развлекать читателя? Что ж, развлекать — тоже задача литературы. Вместе с тем это далеко не все. Литература — развлечение, которое, если хотите, призвано причинять читателю заботы, привлекать его внимание к определенным проблемам, теребить, будоражить...

Через книги, если это книги настоящие, люди учатся лучше узнавать друг друга, как, впрочем, и ту среду, в которой они живут. Я не верю, что литература способна разрешить проблемы, стоящие перед человечеством. Зато она, как мне видится, помогает людям осознать эти проблемы, стимулировать воображение. Последнее мне кажется очень важным, потому что воображение, на мой взгляд, как бы лучше сказать... воображение — это горячее переман, прогресса, обновления.

— В какой момент вы почувствовали, что литература — ваше призвание? Когда решили, что непременно должны стать писателем?

— Сколько я себя помню, меня всегда прельщал мир литературы. Вероятно, самое важное событие в моей жизни произошло в тот момент, когда я выучился читать. Не могу забыть, в какой восторг привело меня, а мне было тогда лет пять, знакомство с первыми книгами — это были приключения и фантастика. Мир сразу же стал в моих глазах несравненно богаче, раздвинулись горизонты, и это было удивительно!

Первыми моими сочинениями были продолжения прочитанных рассказов. Если мне не хотелось чтобы интересная история заканчивалась, я садился и писал ее продолжение. Повторяю, мне было тогда лет пять. С тех пор у меня появилась тяга к перу некий литературный зуд. Позднее, в университете, — а я изучал одновременно филологию и право, — это влечение стало совершенно отчетливым. Сначала меня влекла поэзия, потом на первый план вышел театр. Позднее, в восемнадцать — девятнадцать лет, я полюбил роман. Но долгие годы полагал, что буду поэтом или драматургом. Сейчас я вновь стал писать для театра, однако из всех жанров все-таки отдаю роману предпочтение.

— А почему вы вновь обратились к театру?

— Главная причина в том, что бывают сюжеты, которые, как мне кажется, можно оптимально решить только в сценической форме. Это касается и моего последнего произведения для театра — «Кати и гиппопотам».

— Расскажите, пожалуйста, об этой пьесе подробнее.

— Это юмористическая вещь. Пожалуй, ее можно назвать даже театральным фарсом. Но в юмористической форме я затронул, как мне кажется, серьезную тему. Героиня пьесы — женщина, весьма удачливая и обеспеченная, которая лишь с возрастом начинает постигать культурные ценности. Так вот, она мечтает сочинить приключенческий роман, но не знает, как к этому приступить, и нанимает себе в помощники писателя. Вдвоем они работают по два часа в сутки, и это занятие превращается для них в игру — своего рода упражнение во лжи. Она рассказывает ему о своих похождениях, большей частью выдуманных от начала и до конца, а он записывает их, но не просто, а переиначивая на свой манер. И мало-помалу в этой игре обнажается сущность каждого из персонажей. Во лжи они как бы раскрываются друг перед другом, демонстрируя, что каждый из них собой представляет и что хотел бы представлять.

Мне показалось, что такая игра — составление правды, которая по сути дела ложь, и лжи, которая по сути дела правда, — как нельзя лучше может прозвучать на сцене. Я хотел показать, условно говоря, пользу вымысла. Конечно, по этическим соображениям ложь осуждалась при всех цивилизациях, во всех культурах. Но несомненно и то, что человек если он не перестает быть человеком и не превращается в автомат, просто не может жить без фантазии и воображения, а фантазия

и воображение постоянно заставляют его придумывать события, создавать себе фиктивную жизнь, раздвигаться на лицо реальное и лицо воображаемое — иными словами, придумывать, лгать. Такая ложь приносит пользу, потому что это ложь человека ищущего, постоянно чем-то неудовлетворенного. А неудовлетворенность — стимул для перемен, для прогресса. Если человек всегда принимает действительность такой, какая она есть, он будет конформистом и фаталистом, и никогда не восстанет, и в жизни его не найдется места переменам. Быть может, в этом и кроется высший смысл литературы — заставлять человека мечтать, стремиться к иной, лучшей жизни.

— Вы не раз говорили, что писатель — бог, демиург, создающий свой мир, живущий по его законам. Какова взаимосвязь этого мира с реальным, окружающим нас миром и его законами?

— Думаю, что здесь существует взаимосвязь, которую можно без преувеличения назвать диалектической. Литературный образ — это вымысел, не зеркальное, а видоизмененное отражение реальности. Те черты действительности, что отсеиваются при создании образа, и те черты образа, каких на самом деле в действительности нет, — это как раз то, от чего человеку хотелось бы избавиться в реальной жизни, или же, наоборот, то, чего ему в ней не достает. Именно этот элемент придает, на мой взгляд, литературе ее подлинное своеобразие, отличает ее, скажем, от истории, социологии, журналистики...

Однако и своеобразие литературы не возникает из ничего, само по себе: оно вытекает из той же реальности, из жизненного опыта писателя, жизненного опыта читателя. Литература, которая претендует на беспристрастное, будь то историческое или социологическое, описание действительности, — это плохая литература, потому что в ней нет того самого критического, привнесенного автором элемента, который придает подлинной литературе ее специфичность, разграничивает простое описательство и творчество.

«Во всей латиноамериканской литературе так или иначе присутствует критический элемент — по отношению к социальной несправедливости, к жестокости и неравенству».

— В последние 10—15 лет много говорят и пишут о «буме» латиноамериканской литературы. И действительно, иначе как «бумом» это явление не назовешь. Чем вы объясните его возникновение и столь необычайно популярное произведение латиноамериканских писателей в самой Латинской Америке и во всем мире?

— Тому есть не одна, а целый комплекс причин. Среди них причины сугубо литературного, эстетического свойства. Действительно, в последние 20—30 лет латиноамериканская проза бурно развивалась, демонстрируя при этом огромные творческие возможности в поиске как новых тем, персонажей, так и литературных форм, техники повествования. И, что важно, у наших писателей появилась смелость, позволяющая им брать за острые, сложные, разнообразные темы.

С другой стороны, важным толчком для нашей литературы явилось преодоление определенных барьеров, которые ранее ограничивали ее распространение исключительно границами латиноамериканского континента. Ее стали переводить, изучать, читать в других странах. Что, в свою очередь, стало огромным стимулом для наших писателей, как, впрочем, и для наших читателей, которые начали присматриваться к тому, что ранее зачастую игнорировали, пока не увидели, что это вызывает внимание за границей.

Немаловажно и то, что процесс этот проходил на фоне общего зстоя и даже упадка литературы в странах, богатых литературными традициями в прошлом. Возьмите, к примеру, Францию, где в последние годы наблюдался расцвет литературы, а теперь — сильный спад. Или

Соединенные Штаты, славившиеся прозой в эпоху Хемингуэя и Фолкнера, — и там мы видим сегодня сходную картину.

— А не связан ли бурный подъем латиноамериканской прозы еще и с ходом политических событий на континенте, с прогрессивными переменами, имевшими место в ряде стран?

— Думаю, что между литературой, с одной стороны, и политической и общественной жизнью — с другой, действительно существует определенное отношение, но его не так-то просто установить. Наиболее характерная, основная черта и заслуга современной латиноамериканской прозы, на мой взгляд, в том, что она способствовала и способствует осознанию того, что, собственно, есть латиноамериканское. И если сегодня наши читатели чувствуют себя членами гораздо более однородного культурного сообщества, то в значительной мере благодаря литературе.

Несомненно, что в нашей литературе в той или иной форме присутствует критический элемент по отношению к социаль-

носправедливости и экономическому неравенству, к жестокости, к диктаторскому режиму. Другое дело, что в одних случаях он выражен открыто, в других — косвенно. У нас не существует литературы умиротворенной, литературы, которую можно было бы назвать конформистской. Это относится даже к авторам, которые с политической точки зрения стоят на явно консервативных позициях. В неконформизме, в критическом взгляде на действительность мне видится как бы общий знаменатель литературы наших дней.

— Какое же место в ряду современных латиноамериканских писателей вы отводите себе?

— Никто не знает себя до конца. Никто не знает, как в точности выглядит его лицо, даже после того, как посмотрится в зеркало... Пожалуй, латиноамериканскую литературу наших дней, по крайней мере прозу, прежде всего характеризует ее разнообразие. Если в прошлом практически все писатели одного периода работали в определенном эстетическом направлении, как это было, например, в эпоху романтизма, то в наши дни существует великое разнообразие манер и стилей, причем оно отнюдь не определяется национальными различиями. Я бы сказал, что нахожусь среди тех, кого определяют как реалистов. Полагаю, что мои произведения реалистичны, по крайней мере по тематике. Быть может, с точки зрения формы, техники построения их таковыми не назовешь, но с точки зрения тематики они, безусловно, произведения реалистические. То, о чем я повествоваю, узнается читателем благодаря его собственному жизненному опыту, а ведь именно это называют реализмом, разве не так?

— Скажите, а кто из современных латиноамериканских писателей вам наиболее близок?

— Здесь требуется уточнение. Есть писатели, которые мне наиболее интересны как читателю. И есть такие, к которым, как мне кажется, я ближе всего стою как писатель.

Из писателей, которых я больше всего люблю, люблю за их творческую изобретательность, в первую очередь назвал бы Хорхе Луиса Борхеса. Думаю, что он дальше других продвинулся в создании собственного, оригинального мира. Алехо Карпентьер — писатель, который всегда восхищал, ослеплял меня своими произведениями. Из них я выделил бы «Потерянные следы» и «Век Просвещения», но если выбирать из двух этих вещей, я, пожалуй, остановился бы на первой. И, конечно, Гарсиа Маркес, которого я считаю великим писателем. Его «Сто лет одиночества» — настоящий шедевр.

Теперь, какой же писатель мне ближе всего? Мне близок, например, парагваец Аугусто Роа Бастос, недооцененный, на мой взгляд, в Латинской Америке. Я считаю его большим писателем. Мне кажется, что его и мое творчество отличают одни и те же черты, потому что и его, и мои книги тесно связаны с непосредственным опытом определенного общества. Я имею в виду прежде всего первый роман Роа Бастоса «Сын человеческого», который считаю очень значительным произведением. Мне нравятся также сборники его рассказов, особенно «Гром среди листьев», и роман «Я, Верховный». Близок мне и ранний период в творчестве Карлоса Фуэнтеса — период «Смерти Артемиды Коуса» и «Края безоблачной ясности». Но только не поздний Фуэнтес — это уже совершенно иная, экспериментальная литература, ее тематика мне неинтересна. И, наконец, некоторые произведения Хуана Карлоса Онетти...

— Что побудило вас обратиться к исторической тематике?

— В книге рассказывается о реальных событиях, происходивших в Бразилии после отмены рабства и установления в 1889 году республики. В самом отсталом районе на северо-западе страны возникло крестьянское движение — этакая религиозная жакерия, направленная против возрожденной республики, Война самых бедных и отчаявшихся бразильских крестьян, уверовавших в то, что республика — это порождение антихриста. Восставшие захватили большое имение Канудос (отсюда и термин «война канудос») и два года коллективно владели землей. В конце концов Канудос пал, а его защитники были зверски истреблены. Ужасная была война, она закончилась гибелью сорока тысяч мужчин, женщин, детей.

Это была первая в Латинской Америке война, которая в определенном смысле носила идеологический характер, и я в своей книге показываю, какая страшная ответственность лежит на интеллигенции, способствовавшей этой резне. Дело в том, что интеллигенты-демократы рассматривали «канудос» как орудие заговора враждебных республике сил — латифундистов, английских эмиссаров: в общем, считали, что война ведется против республиканских свобод. А в действительности никакого заговора не было: людьми двигали голод, невежество, нищета...

Мне кажется, в этой книге я нашел тему, которую искал всю жизнь.

— Создавая произведение на историческую тему, писатель, как правило, не только стремится к правдивому воссозданию ситуации давно минувших времен, но использует ее как повод для инсценированного, обращаясь к проблемам сегодняшнего дня. Наблюдается ли нечто подобное в «Войне конца света»?

— Хотя роман и не является сугубо социально-политическим, думаю, социально-политические проблемы занимают в нем центральное место. Больше всего в истории «войны канудос» меня поразило то, как целое общество могло оказаться в состоянии полной «коммуникабельности». Что же привело страну к трагическому расколу? Фанатизм, односторонность, схематические представления.

Я бы, пожалуй, так и определил главную тему «Войны конца света»: фанатизм и взаимная глухота людей как причина социальной и исторической трагедии: гражданских войн, массовых убийств, репрессий. Хотя фанатизм по своему содержанию бывает различным, его формы всегда одинаковы — полное игнорирование доводов соперника, неприятие критики, самонадеянная уверенность в собственной абсолютной правоте. Когда сталкиваются два характера такого типа, совершается убийство — это одна из констант в латиноамериканской истории. И все это в концентрированной форме выражено, на мой взгляд, в «войне канудос», которая символизирует горе и страдания Латинской Америки, к сожалению, не только прежние, но и нынешние.

— В одной из своих литературоведческих работ вы указывали на три необходимых элемента, дающих писателю материал для книги: личный опыт, воображение и культуру. В какой степени этот постулат применим к «Войне конца света»?

— Хотя роман исторический и, трудясь над ним, я проделал немалую работу, изучая документы той эпохи, в нем многое взято из моего личного опыта. Видите ли, в прошлом я был газетчиком, и мой репортажный опыт послужил мне как для описания походов одного из персонажей — близорукого журналиста, так и для показа механизма систематического искажения исторической правды, характерного для журналистики тех времен. К сожалению, этот феномен жив и в наши дни. И сегодня зачастую журналистика, вместо того чтобы информировать о действительных событиях, занимается их искажением, выражая политические и экономические интересы определенных кругов. И это еще один источник, зловещий источник взаимонепонимания. Вот что, пожалуй, использовано в романе из моего личного опыта.

Ну и, конечно, без воображения тут было не обойтись. Стремясь быть точным в описании ключевых исторических событий, я не ставил перед собой задачу создать научный трактат о «войне канудос». Единственное, в чем я дал себе слово быть точным, — это в передаче хода военных действий. В остальном я целиком отдался на волю воображения. Сделать это было тем более позволительно, что история данной войны известна фактически лишь наполовину. Она описана исключительно с позиции республиканцев, но не с позиции крестьян. Документов об их точке зрения практически нет. Так что у меня было широкое поле для воображения.

Теперь о культуре. Я человек двадцатого века, и я писал этот роман, зная обо всем, что произошло позднее, в том числе и о проблемах, которыми жила и живет моя страна, вся Латинская Америка. И в романе я рассказываю, как мне кажется, не столько о проблемах той эпохи,

«В творчестве меня больше всего интересует поиск. Мне хочется каждый раз идти на риск...»

— Советскому читателю известна большая часть ваших крупных произведений (не считая романа «Разговор в кафедральном» и последнего, который завершил сравнительно недавно). На мой взгляд, все ваши книги написаны в очень разном манере, я бы сказал, в разной тональности. В «Городе и псах» — это